

Г.В. Любимова¹, А.А. Рублева²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX века (по полевым материалам 2018–2019 годов)

В работе использованы записи рассказов сельских жителей о свадебных традициях Мариинского, Чебулинского и Тяжинского р-нов Кемеровской обл. во второй половине XX в. На основе разработанной К.В. Чистовым типологии восточнославянской свадьбы, дополненной критериями Т.А. Бернштам, Л.М. Телегиной, И.М. Колесницкой и других исследователей, выделены основные типы русской сибирской свадьбы, бытовавшей на территории Верхнего и Среднего Притомья. Наряду с украинско-белорусско-южнорусским, а также северно- и среднерусским (согласно К.В. Чистову) вариантами ритуальных сценариев, ведущую роль в обследованных районах, как показала предварительная статистическая оценка полученных материалов, играл смешанный тип свадебной обрядности, вобравший в себя элементы как северно-, так и южнорусского вариантов. Наиболее существенные изменения в самом сценарии традиционной свадьбы, ставшие особенно заметными к середине прошлого века, проявились в новых практиках оформления брака, пришедших на смену церковному венчанию. Следствием замены религиозного заключения брака обязательной «регистрацией» в местных органах власти (сводившейся в основном к уплате пошлины в сельсовете) стало неизбежное редуцирование свадебного ритуала за счет сокращения некоторых элементов традиционной обрядности, прежде всего причитаний невесты и прощания ее с красотой, не соответствовавших новой идеологии. Помимо универсальных процессов модернизации, связанных с переходом от традиционного аграрного общества к обществу современного типа, к числу решающих факторов трансформации свадебных обрядов в 1950–1960-х гг. авторы относят обстоятельства, вызванные Великой Отечественной войной и последовавшим за ней экономическим кризисом.

Ключевые слова: русская сибирская свадьба, ритуальный сценарий, факторы трансформации, сельское население, Верхнее и Среднее Притомье.

Galina V. Lyubimova¹, Anastasia A. Rubleva²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

Ritual Scenario of Russian Siberian Wedding: Traditions and Innovations in the Second Half of the 20th Century (Based on Field Materials of 2018–2019)

The article analyzes the recollections on wedding traditions of the second half of the 20th century, told by the rural residents of Kemerovo Region (Mariinsky, Chebulinsky, and Tyazhinsky Districts). Using the typology of the Eastern Slavic wedding, proposed by K.V. Chistov and supplemented with additional criteria by T.A. Bernshtam, L.M. Telegina, I.M. Kolesnitskaya, and other scholars, main types of Russian Siberian wedding practiced at the upper and middle reaches of the Tom River have been identified. According to preliminary statistical assessment of field evidence, mixed

type of wedding ritual combining Northern and Southern Russian elements played a leading role on these territories along with Ukrainian, Belorussian, as well as Northern and Central Russian types (following the Chistov's terminology). The most important changes in the traditional wedding scenario, which became conspicuous by the mid 20th century, were associated with new practices of marriage registration replacing church wedding. The mandatory "registration" with local authorities (mostly consisting of paying the fee in the village administration), resulted in inevitable reduction of wedding ritual associated with the removal of some traditional elements of the wedding ritual, which did not comply with the new ideology (first of all, bride's lamentations and farewell to her "beauty"). In addition to universal processes of modernization caused by transition from agricultural society to society of the modern type, the authors consider the circumstances caused by the Second World War and the ensuing economic crisis as decisive transformation factors of wedding ceremonies in 1950s–1960s.

Keywords: *Russian Siberian wedding, ritual scenario, transformation factors, rural population, upper and middle reaches of the Tom River.*

Летом 2019 г. в рамках проекта «Новая археология» проводилась этнографическая экспедиция для сбора материалов о свадебных традициях сельского населения северных районов Кемеровской обл. Верхнее и Среднее Притомье – территория с исторически сложившимися очагами расселения русских сибиряков-старожилов и более поздних российских переселенцев. Несмотря на ранее проводившиеся исследования [Скрябина, 1997; Похабов, 2004; и др.], данная территория остается недостаточно изученной с точки зрения сохранения и трансформации ряда базовых компонентов традиционной культуры, прежде всего, обычаев и обрядов семейного цикла. Высокая степень сохранности локальных традиций, выявленная в 2018 г. в Мариинском р-не Кемеровской обл., определила необходимость продолжения сравнительно-исторических исследований в соседних Чебулинском и Тяжинском р-нах. Особое внимание в минувшем сезоне уделялось специфике и факторам трансформации свадебных традиций разных групп русского населения во второй половине XX в. (здесь и далее полевые материалы А.А. Рублевой).

В ходе экспедиции было обследовано полтора десятка населенных пунктов, расположенных в Чебулинском (с. Николаевка, Усманка, Усть-Чебула, Алчедат, Чумай, Ивановка, а также д. Курск-Смоленка, Дмитриевка, Карачарово, Михайловка, Покровка, Новоказанка, Шестаково, Кураково) и Тяжинском (с. Прокопьево) р-нах Кемеровской обл. В настоящее время в указанных районах проживают потомки не только русских старожилов и поздних русско-украинско-белорусских переселенцев – выходцев из юго-западных губерний России (Тамбовской, Курской, Смоленской, Киевской, Полтавской и др.), но и представители неславянского населения из европейской части страны. Так, по словам жителей с. Николаевка, приехавшие «с Волги» мордовские переселенцы еще в середине прошлого века не только сохраняли мордовский язык, но и обучали ему депортированных немцев. Особенности своего говора смогли сохранить жи-

тели с. Усть-Чебула, потомки донских казаков-переселенцев (выходцев из станицы Гундоровской б. Области Войска Донского), долгое время находившиеся в состоянии затяжного конфликта с чалдонами – старожилами д. Дмитриевка. Подобные конфликты происходили не только между разными поселениями, но и в пределах одного населенного пункта. К примеру, в д. Новоказанка исторически образовалось два края – киевский и полтавский, между которыми регулярно случались «стычки». Такая же картина наблюдалась и в Курск-Смоленке, что отразилось в самом названии деревни.

Конфессиональная специфика и связанные с нею особенности брачного поведения традиционно отличали старожилов-старообрядцев с. Прокопьево – *кержаков*, предпочитавших женить своих сыновей на девушках исключительно «своей веры», тогда как дочерей допускалось отдавать замуж за «киноверцев». По словам Анны Владимировны Лепшановой (1955 г.р.), ее родной дядя Харитон, будучи от природы «*красивым парнем*», так и не смог жениться до тридцати лет. Уходя на войну, он попросил родителей найти для него «*хорошую невесту-кержачку*», однако ему не суждено было вернуться с фронта. При этом обе его сестры благополучно вышли замуж за «*местных хохлов*».

Своеобразие внешнего и культурного облика были характерны для представителей такой группы старожильского населения, как *ясаиные* (*ясаиные чалдоны*), потомки которых проживают сегодня в д. Кураково Чебулинского р-на и ряде других районов Кемеровской и Новосибирской обл. Примером локальной межкультурной коммуникации (способом взаимодействия проживающих в одной местности разных этнокультурных групп) может служить сочиненная чалдонами с. Чумай и адресованная жителям д. Кураково дразнилка: «*Вы кураковски, вы ясаиные! / Вы зачем пришли, черти страшные?*». Особенности коллективной исторической памяти данной группы, представители которой допускают свое происхождение от коренного

сибирского населения, находят отражение в мифологии окружающего ландшафта. Валентина Андреевна Никитина (1937 г.р.), относящая себя к «ясачным», пересказала слышанную в детстве от матери легенду о приходе в край русских, связав ее с происхождением имеющихся на берегу р. Кии ям, которые, как считается, остались от некогда стоявших там юрт. Детали известного мифологического сюжета о «самопогребении чуди» ярко проявляются в нарративе о предках ясачного населения, якобы живших в окрестностях Кии. Появление белой березы явилось, по словам информанта, сигналом, по которому предки начали подрубить столбы, служившие в юртах опорой. Последовавшее затем самозахоронение стало ответом местного населения на «*скорый приход белых людей*», знаком которого и послужило появление белой березы. Приведенные примеры свидетельствуют о значительном этнокультурном разнообразии обследованных районов Кемеровской обл. и создают предпосылки для выявления основных типов русской сибирской свадьбы, бытовавшей на территории Верхнего и Среднего Притомья.

В отечественной литературе утвердилась точка зрения о наличии двух основных вариантов восточнославянской свадьбы, нередко обозначаемых как «южный» и «северный». Еще Д.К. Зеленин, убежденный в том, что «всех восточных славян можно разделить на четыре народа» (украинцы, белорусы, северные и южные русские), в соответствующем разделе своей монографии (1927 г.), посвященном семейной жизни этих народов, выделял две свадьбы – украинскую и северную русскую [1991, с. 332–345]. Более подробно вопросами типологии свадебной обрядности занимался К.В. Чистов, который исходил из того, что между русской, украинской и белорусской свадьбой существуют «какие-то отличия типологического характера» [1979, с. 224].

В поисках «более обоснованных методов типологического анализа», требовавших расширения «рамок и масштабов сопоставлений», автор обращается «к народам Кавказа и Средней Азии», изучение которых приводит его к выводу, что свадебная обрядность народов со скотоводческо-кочевыми традициями древнее той, которая сформировалась на почве оседло-земледельческого хозяйства. Отмечая своеобразие набора обрядовых элементов, характерных для каждого типа свадьбы, К.В. Чистов подчеркивает несомненное сходство ритуальных функций, в том и другом случае направленных на фиксацию патрилокального брака и санкционирование перехода невесты в семью мужа. Вместе с тем к числу наиболее значимых (имеющих структурообразующее значение) разли-

чий каждого свадебного сценария автор относит ряд показателей, главными из которых оказываются время и место так называемого «постельного обряда», а также формы и способы окончательного признания брака. С этой точки зрения, как показано в работе, пережитки матрилокальных форм брака и/или «временная ускорилокальность» в большей степени характерны для среднеазиатско-кавказского типа свадебной обрядности, тогда как европейский (в том числе, восточнославянский) свадебный тип отличается ярко выраженной «вирилокальностью» [Там же, с. 224–226].

В пределах восточнославянского ареала К.В. Чистов выделяет два варианта свадебного сценария – украинско-белорусско-южнорусский и северно-среднерусский, обладающих несколько иным набором дифференцирующих признаков. С распространением христианства, подчеркивает автор, санкция (общественное признание) брака приобретает дуалистический характер: наряду с бытовой (на уровне семьи, рода и общины) утверждается его церковная форма. Обе санкции осуществляются в один день, что непосредственно сказывается на структуре свадебного обряда и, в первую очередь, на характере передвижений партий жениха и невесты. В варианте, который охватывает в основном украинско-белорусско-южнорусские этнические территории, жених и невеста вместе или порознь приезжают в церковь, однако после венчания вновь разъезжаются по своим домам. Затем жених отправляется за невестой, после чего совершается ее переезд в дом жениха, где и происходит «постельный обряд» с последующим бурным празднеством. В северно-среднерусском варианте «круговой» характер передвижений проявляется в том, что вначале жених едет в дом невесты, откуда они вместе направляются в церковь и затем возвращаются в дом жениха. В данном случае, как отмечает автор, «церковное венчание более органично включено в общий ход свадебного ритуала» [Там же, с. 227].

Далее К.В. Чистов останавливается на характерных обрядовых элементах восточнославянской свадьбы и том месте, которое они занимают в структуре свадебного обряда. В первом случае набор таких элементов (заручины, изготовление каравая, плетение венка, украшение *гільца*, отъезд невесты к венцу, ее возвращение и ожидание жениха, посад, окручивание и пр.) сконцентрирован по преимуществу в доме невесты. При этом общий стол для родственников жениха и невесты происходит только после «клети» («постельного обряда»), как правило, на другой день свадьбы. Во втором случае, напротив, наблюдается тенденция к концентрации свадебных обрядов в доме жениха.

В то же время большинство обрядов в доме невесты (девичник, невестина баня, причитания и пр.) носит отчетливо выраженный прощальный (а не пригостительный, как в первом случае) характер. Кроме того, родственники жениха и невесты сходятся за общим столом не после, а до «клетки», то есть, свадебный пир происходит во время «постельного обряда». Наконец, еще одно выявленное автором отличие связано с общей направленностью обрядовых элементов, которые в украинско-белорусско-южнорусском варианте имеют аграрно-символическое значение, тогда как в северно-среднерусском – магическое, обережно-очистительное (нередко с участием колдуна) [Там же, с. 227–228].

Основу свадебной типологии могут составлять не только структурные, но и атрибутивные особенности, а именно – предметные символы, наиболее ярко характеризующие главных героев и участников ритуала. Как пишет в этой связи Т.А. Бернштам, южный и северный варианты свадьбы восточных славян различаются по типу головного убора невесты. Если в первом случае таким убором (тесно связанным с понятием *девьей красоты*) является сделанный из бумажных цветов веночек, то во втором случае данное название упоминается только в словесно-поэтическом сопровождении обряда, в то время как реальный головной убор представлен девичьей повязкой [1982, с. 50–51].

Не менее характерным свадебным атрибутом, также имеющим непосредственное отношение к невесте, является свадебное деревце, в роли которого в восточнославянской традиции могли выступать самые разные растения (части растений): елочка, сосновая ветка, калина, репей и даже украшенный веник. Д.К. Зеленин, к примеру, прямо писал о том, что роль ритуального свадебного деревца у восточных славян мог играть «березовый банный веник, который иногда украшают» [1991, с. 339]. По наблюдениям И.М. Колесницкой и Л.М. Телегиной, этот «древний славянский обряд» (украшение свадебного деревца и ритуальные действия с ним) со временем «был перенесен в северно-восточную Русь из южной и локализовался там в полосе центральных русских губерний до юга Вологодской области» [1977, с. 121–122]. На сибирских материалах было показано, что катание по селу и другие действия с украшенным веником, по сути, означавшие прощание невесты с красотой, практиковались лишь в тех локальных традициях, где свадебный обряд включал в себя посещение бани. Там же, где баня не входила в состав свадебного ритуала, ритуальные действия с веником не фиксируются [Любимова, 2013, с. 73].

Разработанная К.В. Чистовым типология восточнославянской свадьбы, дополненная критериями

других исследователей, была положена в основу авторского подхода к анализу полевых материалов, собранных в северных районах Кемеровской обл. Следует отметить, что в новых идеологических условиях в связи с радикальными экономическими, политическими и социокультурными изменениями в 1930-е гг. в сельской местности практически не осталось действующих храмов. Распространение новых практик оформления брака – обязательной «регистрации» в местных органах власти (сводившейся в основном к уплате пошлины в сельсовете) – не могло не сказаться на характере свадебных традиций в целом. С закрытием церквей, пишет К.Е. Корепова, происходит неизбежное редуцирование свадебного обряда за счет церковного венчания и других не соответствующих новой идеологии элементов (прощания невесты с красотой, причитаний и пр.); сокращается общая продолжительность свадьбы [2015, с. 121, 127–128]. С учетом выпадения из традиционного сценария важнейшего компонента, каким является венчание в церкви, в числе устойчивых (позволяющих соотнести конкретную локальную традицию с тем или иным типом свадьбы) сохраняются такие показатели, как общая структура свадебного обряда (характер передвижений партий жениха и невесты), локализация обрядовых элементов (в том числе, санкционирующего характера), а также атрибутивный ряд (набор характерных предметных символов).

Сценариев, полностью совпадающих с северным или южным типом свадьбы, в ходе экспедиции было зафиксировано немного. В чалдонской д. Дмитриевка (Чебулинский р-н) еще в 1960-е гг. сохранялась северно-среднерусская структура свадебного обряда, хотя по форме брак приближался к свадьбе *убёгом* (без официального сватовства). На следующий после «побега» день родители жениха шли с угощением к родителям невесты договариваться о предстоящей свадьбе. Первый день свадьбу гуляли у жениха, второй – у невесты, причем объединение за общим столом родственников той и другой стороны (как способ окончательного признания брака) приходилось именно на первый день (записано от Веры Ивановны Сладковой, 1949 г.р.). Свадебный сценарий, близкий по структуре к северно-среднерусскому варианту, был записан в д. Кураково (Чебулинский р-н), где, как уже упоминалось, проживают потомки *ясаиных чалдонов*. Сразу после выкупа жених вез невесту к себе домой, где происходило совместное застолье родственников жениха и невесты. В тот же день, вспоминает Валентина Андреевна Никитина (1937 г.р.), молодым дарили подарки. Во второй день, празднование перемеща-

лось к родителям невесты и в третий – завершалось возвращением к родителям жениха.

Иная структура свадебного обряда, типологически близкая к украинско-белорусско-южнорусскому варианту, была зафиксирована в с. Алчедат (Чебулинский р-н). По словам Лидии Никитичны Барабаш (1934 г.р.), местная свадебная традиция включала в себя сватовство; приготовление каравая и украшение его ветками калины и ягодами в доме невесты; первый стол в доме жениха с участием крестной со стороны невесты; приглашение родителей невесты в дом жениха во второй день свадьбы; «выметание сора», «тушение овина» и последующее гулянье в доме невесты. Близкий тип обрядовой структуры характерен для свадебного сценария д. Знаменка (Мариинский р-н), где проживают потомки российских переселенцев. Первое свадебное застолье в местной традиции происходило сразу после выкупа, в доме невесты. Вечером жених и невеста уезжали в дом жениха, куда родителей невесты приглашали только после «клетки», на другой день. Если невеста оказалась «нечестной», жених мог «накинуть (ей) на голову половую тряпку» (вместо платка). В тот же день происходило деление каравая (записано от Антонины Емельяновны Синиченко, 1937 г.р.).

Как показала первичная статистическая оценка полученных результатов, к числу наиболее распространенных в обследованных районах относится смешанный тип свадьбы, вобравший в себя элементы как северно-, так и южнорусского вариантов. Причины этого, как отмечает Е.В. Миненок в статье, посвященной динамике свадебного обряда в сибирско-белорусской переселенческой традиции, заключаются в неоднородном и неустойчивом характере фольклорно-этнографической культуры Сибири как региональной культуры позднего (вторичного) формирования. Ссылаясь на работы Н.В. Леоновой, автор подчеркивает, что оторванность от материнской традиции провоцирует в такой культуре развитие процессов приспособления к новым обстоятельствам функционирования [Миненок, 2014, с. 16].

Примером смешанного типа свадьбы может служить сценарий, записанный в д. Шестаково (Чебулинский р-н). По словам Валентины Николаевны Стеклашовой (1924 г.р.), уверенной, что все ее предки были «настоящие русские, сибиряки», традиционная шестаковская свадьба включала в себя сватовство; приготовление каравая матерью невесты совместно с приглашенными родственниками; выкуп невесты, сидевшей за столом с украшенной елочкой; совместный переезд с родителями невесты к родителям жениха; продолжение свадебного гулянья и деление каравая во второй день в доме

жениха. С точки зрения передвижения обеих партий, а также места проведения первой совместной трапезы родственников жениха и невесты, зафиксированный сценарий близок северному варианту свадьбы, тогда как атрибутивный ряд тяготеет к южному. Смешанные типы русской сибирской свадьбы, представленные как результат процессов культурной интерференции и трансформации идентичностей, приводятся в работах Л.А. Скрябиной [1997, с. 91–100] и Е.Ф. Фурсовой [2016, с. 550–552].

Наряду с универсальными факторами трансформации сибирских свадебных традиций (такими, как отрыв от материнской традиции, поздний (вторичный) характер формирования сибирской региональной культуры, активные этнокультурные взаимодействия, а также неизбежные процессы модернизации, связанные с переходом от традиционного аграрного общества к обществу современного типа) к числу решающих факторов трансформации свадебных обрядов в 1940–1950-е гг. относятся обстоятельства, вызванные Великой Отечественной войной и последовавшим за ней экономическим кризисом. По словам Лидии Петровны Волковой (1933 г.р., с. Чумай, Чебулинский р-н), «свадьбы тогда были плохенькие... после войны какие были... пришли, чаю потили, (вот) и вся свадьба!». Следствием всеобщего послевоенного обнищания, отмечает К.Е. Корепова, стало выпадение из свадебного сценария элементов, связанных с переговорами о материальном обеспечении брака, обменом дарами и пр. [2015, с. 121–122]. Преодоление негативных тенденций наметилось только в 1960–1970-е гг. с распространением на селе модернизированного уклада жизни, положившего начало новому этапу трансформации свадебных традиций.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

Бернштам Т.А. Обряд «расставания с красотой». К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. – Л.: Наука, 1982. – С. 43–66.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 507 с.

Колесницкая И.М., Телегина Л.М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. – Л.: Наука, 1977. – С. 112–122.

Корепова К.Е. Русская свадьба в середине XX в. (по материалам Нижегородского Поволжья) // Традиционная культура. – 2015. – № 3 (59). – С. 121–134.

Любимова Г.В. Сибирская свадьба в крестьянской мемуарной литературе // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2013. – № 1 (24). – С. 70–77.

Миненок Е.В. Свадебный обряд д. Сулкет Куйтунского района Иркутской области // Традиционная культура. – 2014. – № 1. – С. 14–21.

Похабов В.Ф. Обрядовые традиции русского населения Мариинского уезда Томской губернии конца XIX – XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2004. – 23 с.

Скрябина Л.А. Русские Притомья: ист.-этногр. очерки (XVII – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 130 с.

Фурсова Е.Ф. Взаимовлияния в свадебной обрядности у сибиряков курско-черниговского происхождения в первой трети XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 550–552.

Чистов К.В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 223–230.

References

Bernshtam T.A. Obryad “rasstavaniya s krasotoy”. K semantike nekotorykh elementov material’noy kul’tury v vostochnoslavlyanskom svadebnom obryade. In *Pamyatniki kul’tury narodov Yevropy i yevropeyskoy chasti SSSR*. Leningrad: Nauka, 1982, pp. 43–66 (in Russ.).

Chistov K.V. Tipologicheskiye problemy izucheniya vostochnoslavlyanskogo svadebnogo obryada. In *Problemy tipologii v etnografii*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 223–230 (in Russ.).

Fursova E.F. Interference in Wedding Rituals between Siberians of Kursk-Chernigov Origin in the First Third of the XX Century. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 22, pp. 550–552 (in Russ.).

Kolesnitskaya I.M., Telegina L.M. Kosa i krasota v svadebnom fol’klore vostochnykh slavyan. In *Fol’klor i etnografiya*. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 112–122 (in Russ.).

Korepova K.E. Russkaya svad’ba v seredine XX v. (po materialam Nizhegorodskogo Povolzh’ya). *Traditsionnaya kul’tura*, 2015, No. 3 (59), pp. 121–134 (in Russ.).

Lyubimova G.V. Sibirskaya svad’ba v krest’yanskoy memuarной literature. *Yazyki i fol’klor narodov Sibiri*, 2013, No. 1 (24), pp. 70–77 (in Russ.).

Minenok E.V. Svadebnyy obryad d. Sulket Kuytunskogo rayona Irkutskoy oblasti. *Traditsionnaya kul’tura*, 2014, No. 1, pp. 14–21 (in Russ.).

Pokhabov V.F. Obryadovyye traditsii russkogo naseleniya Mariinskogo uyezda Tomskoy gubernii kontsa XIX – XX v.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2004, 23 p. (in Russ.).

Skryabina L.A. Russkiye Pritom’ya: istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVII – nachalo XX v.). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130 p. (in Russ.).

Zelenin D.K. Vostochnoslavlyanskaya etnografiya. Moscow: Nauka, 1991, 507 p. (in Russ.).

Любимова Г.В. <https://orcid.org/0000-0003-3538-2806>

Рублева А.А. <https://orcid.org/0000-0003-4967-6311>